

Ч.Э. Сымонович

ФОЛЬКЛОР И ДУХОВНОЕ ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОЖАНИНА 1940-х ГОДОВ РОЖДЕНИЯ

Поводом выразить свое отношение к этой теме стало знакомство с трудами и материалами о жизни этнографа-фольклориста К.В. Чистова. Автор данных заметок — городской человек 1945 г.р. Его возрастная когорта находится между когортами его родителей и детей. Большинство родителей воспринимало в детстве, в 1910-е годы, лад сельской жизни, хотя и поврежденный массовыми связями деревни с городом, не говоря уже о событиях 1914 — начала 1920-х годов. Когорта детей формировалась в 1970-е и даже (в многодетных или вторых семьях) 1980-е годы. Тут уже царила городская культура, отчасти навязывая свой, городской, фольклор. Цель заметок — не перечисление всех видов и жанров фольклора, а попытка понять, что из народного коллективного творчества не проскальзывало по сознанию, а внедрялось в него и образовывало личность в культурном и гражданском плане.

Ключевые слова: горожанин, возрастные когорты, дети и родители, город и село, городской фольклор, биографические заметки.

Cheslav E. Symonovich

FOLKLORE AND SPIRITUAL FORMATION OF THE CITIZEN BORN IN THE 1940th

The touch to materials about life and works of the ethnographer-specialist in folklore K.V. Chistov became a reason for attempt to express the relation to this subject. The author of these notes — the city person of 1945 of year of birth. That is, his age cohort is between cohorts of his Parents and Children. The huge majority of a cohort of Parents perceived in the childhood, in the 1910th years, the harmony of rural life though damaged by mass communications of the village with the City not to mention events of 1914 — the beginnings of the 1920th. The cohort of Children was formed in the 1970th and even (in having many children or second families) — in the 1980th years. Here already city culture reigned, but partly — imposing the folklore, city. The purpose of notes — not transfer of all types and genres of folklore, but attempt to understand what from folk collective art didn't slip on consciousness, and took root into him also somehow formed the personality, whether in cultural, in the civil expression.

Keywords: citizen, age cohorts, children and parents, city and village, city folklore, biographic notes.

Рассматриваемая тема не слишком актуальна в практическом смысле, ибо никто, даже государство, не сможет вернуть сокровищам народной мудрости ту роль в формировании российских людей, которую они играли до массовой урбанизации. Но до тех пор, пока некоторые национальные особенности сознания полностью не стертые, теоретический интерес данная тема может представлять.

Поводом выразить свое отношение к данной теме стали материалы о жизни и трудах этнографа-фольклориста К.В. Чистова. Объем выставленных в открытом доступе в Российской национальной библиотеке публикаций памятников русского фольклора, а также фундаментальных исследований ошеломил. Возник вопрос: насколько действенны эти памятники народной культуры или они давно «выдохлись» и интересуют лишь книжных червей? Напрашивалось предположение о том, что каждое следующее поколение берет от традиционного фольклора всё меньше ценного, характерного для конкретного народа. Проверить это на массовом материале сложно, поэтому обращаюсь к своему опыту читателя, слушателя (чтобы не сказать «мыслителя»). Дневников я не вел, так что полагаюсь на собственную память...

Автор данных заметок — городской человек 1945 г.р. Естественно, его возрастная когорта находится между когортами его родителей и детей. Большинство родителей воспринимало в детстве, в 1910-е годы, лад сельской жизни, хотя и нарушенный массовыми связями деревни с городом, не говоря уже о событиях 1914 — начала 1920-х годов. Когорта детей формировалась в 1970-е и даже (в многодетных или вторых семьях) 1980-е годы. Тут уже царила городская культура, отчасти навязывая свой, городской, фольклор.

Цель заметок — не перечислить все виды и жанры фольклора, а понять, что из народного коллективного творчества не проскальзывало по сознанию, а внедрялось в него и образовывало личность в культурном и гражданском плане.

Былины незабываемы. Они могли увлечь начинающего читать ребенка стройным, размеренным, широким ритмом, удивительными сказочными сюжетами и образами героев и описаниями, не требующими иллюстраций. Не забыть — а ведь прошло уже больше 60 лет — как щипил-басил Дюк Степанович, соревнуясь с Чурилой

Пленковичем. Кажется, у Дюка из пуговиц на одном из нарядов выглядывали дикие звери. Но именно об этом сюжете не упоминалось в учебниках, где акцент делался лишь на патриотических подвигах богатырей и их независимом нраве, приводившем к ссорам с киевским князем. Излюбленное место для уверения школьников в величии народа — где говорилось о том, что дружинники Вольги не смогли поднять соху крестьянского богатыря Микулы. Мне этот эпизод представлялся ненужным, неинтересным. Я был на стороне князя, а не какого-то «мужика-засельщины», может быть, из-за пренебрежения к идее народа, которого в начальной школе я не мог себе представить.

Хорошо, что моя старшая дочь прониклась былинным языком, почувствовав его магию, когда проходила этот материал (кажется, в 1988 г.). Младшая тоже успела изучить его до появления псевдонародных, откровенно говоря, карикатурных поношений — национальных былин-святынь в недавние годы. Видимо, современные мастера мультипликации не могут себе представить иной трактовки русской старины, кроме как с поганой ухмылкой на радость врагам Руси.

Только теперь я начал понимать избирательный подход составителей тонких сборников былин в бумажной обложке, таких же родных, как и сборники сказок. Составителям и редакторам издательств надо было показать прославление великой русской силы в борьбе с Диким полем, идолищами погаными и не увлекаться упоминаниями о христианских церквях, организующей роли Великого князя Владимира Красна Солнышка. Но в некоторых былинах сохранялись следы и даже прямые свидетельства, персонажи языческих времен — таковы Мать-Сыра Земля и богатырь Святогор, которого она была не в силах носить. Кудесники, волхвы-язычники не привлекали нашего внимания, хотя и упоминались изредка в стихотворениях Пушкина и Лермонтова. В целом такие сюжеты механически отодвигались нашим сознанием на задний план, где хранилось все неважное.

Наиболее ярко языческие элементы отразились в сказке А.Н. Островского «Снегурочка». В детстве гибель снежной девочки, конечно, была неприятна. Но главное впечатление было связано с непониманием того, что ради любви можно погибнуть так глупо,

прыгая через костер. Теперь, в зрелом возрасте, удивляет другое — что Снегурка — плод Весны и Мороза.

Элементы нерусского фольклора запомнились по балету «Али-Батыр», поставленному в Кировском театре в Ленинграде — всего несколько «кадров», прежде всего танец злого волшебника Шурале из татарского фольклора¹.

Мифы Древней Греции в изложении профессора Куна быстро и надолго заслонили тоненькую книжку былин. Мифы — тоже фольклор, только всемирный и в то же время очень близкий, понятный и захватывающий.

В школе требовалось знать имена трех-четырёх героев-греков и троянцев, а в голове теснились десятки имен. Тогда же, в пятом классе, я неоднократно прочитал переложения мифов Междуречья, и Египта. На моем столе лежали книги «Страна Большого Хапи», сочинения Керама (Марека), «Глиняные книги». Как добрых знакомых я замечал на полках школьной библиотеки книги «Древний Восток», «Древняя Греция», «Древний Рим» и помню их до сих пор.

При мысленном возвращении в Древнюю Русь постоянно возникала мысль о бедности, отсталости нашей мифологии по сравнению с западноевропейской. Хотя, может быть, разница объяснялась не бедностью восточнославянских мифологических представлений, а их слабой представленностью в учебниках и вспомогательной литературе. Школьный курс стремился освоить классику XVIII–XIX веков, ограничиваясь лишь перечислением жанров фольклора. Так что о вавилонских башнях и монбланах — теориях и публикациях фольклора — впервые узнаю только сегодня [Соколов 1939].

Возвращаясь к Руси и ее народному творчеству, следует сказать: то, что нам не давала литература по истории, о чем сухо говорилось в учебнике литературы, щедро восполнял Гоголь в своих произведениях («Вий», «Страшная месть» и пр.). Но, помнится, слабоваты ка-

¹ Композитор Ф. Яруллин, балетмейстер Л. Якобсон, В ролях: Сюимбике — Н.М. Дудинская, затем А.Я. Шелест, И.Б. Зубковская, Али-Батыр — А.А. Макаров, затем К.М. Сергеев, Б.Я. Брегвадзе, Шурале — И.Д. Бельский, затем Р.И. Гербек (Государственная премия СССР, 1951, балетмейстер и исполнители).

зались песни в «Ночи перед Рождеством» — не было в них стройности, «хромала» рифма.

Песни, называемые по радио и в песенниках, программах концертов народными, запоминались и воздействовали своей напевностью, содержанием, в первую очередь благодаря Шаляпину и Лемешеву. Но в целом народные песни в обработке, сильно отдалявшей их от первоизданного звучания, практически не запоминались, не были проникновенны. У меня желание прислушаться к народным песням, постигнуть с их помощью что-то неизвестное и важное (знание или понимание собственной страны с ее культурой) возникло в возрасте 20–30 лет, причем способствовали этому не великие певцы-классики, не знаменитые властительницы жанра — Людмила Зыкина и Ольга Воронец — и не бабушки в деревенских платочках, а Жанна Бичевская в 1970-е годы. Мы, ровесники войны, были детьми своего времени. И чтобы народная песня проникла прямо в душу, требовался преобразующий труд, а также артистический талант Бичевской. Приведу перечень песен на ее первой грампластинке (Япония–СССР, «Мелодия», 1974. Всесоюзная студия грамзаписи. Запись 1974 г.): 1. Донская баллада. 2. Казачья притча (Сон Стеньки Разина). 3. Частушки. 4. Куманек. 5. О чем задумался, служивый? 6. Черный ворон. 7. Окрасился месяц багрянцем. 8. Матушка. 9. Комарики. 10. Цветик мой. 11. Долюшка. 12. Вы, сестрицы-подруженьки.

Здесь необходимо вспомнить об учителях Жанны Бичевской — Елене Яковлевне Петкер и Ирме Петровне Яунзем [Бичевская], голоса которых уже не звучали широко. Стоит сделать один шаг назад, на одно поколение славных певиц, исполнявших песни народов России и СССР, чтобы, освободившись от морока современной эстрады, погрузиться в песенное раздолье. Тогда восстанавливается незримая связь с переживаниями героев песен благодаря отождествлению исполнителя с персонажем. Так было с песней «Матушка» в передаче Лидии Руслановой.

Уместно вспомнить и о бытовых «безавторских» песнях, которые я услышал летом 1963 г. в молодежной бригаде трубоукладчиков треста «Севзаптрансспецстрой». По сравнению с нами, кадровыми рабочими, двое студентов — Клим Бейрад и Клим Фрейверт — были «залетными птицами» (работали во время каникул). Среди работяг они держались спокойно, не выказывая презрения к не самым

лучшим, но и не самым плохим представителям русского класса-гегемона. Их дружба, легкие и добрые отношения вызывали зависть и уважение к евреям. Такими же легкими и забавными были и их студенческие (?) песни. Например, песня «Королева Непала» (см. приложение) была откликом масс на визит в СССР королевской четы из Непала. Название этой затерянной в горах страны обыгрывал наш городской фольклор: когда спрашивали, как называются жители Непала обоего пола, отвечали: «Не пальцы» и «Не палки».

Более традиционно звучала песенка про пиратов, появление которой также было неудивительно в период «оттепели» (см. приложение).

Там же, на стройке, я много раз слышал следующие строки частушек (от новгородца (?) Бори Кочнева):

Мы — форсистые ребята,
Ты форсун, и я форсун,
Сапоги на ростопа/ш/ку,
На все стороны зипун.

Ср.: у В.И. Даля наречие «распахом, враспашку, нараспашку».

Судя по публикациям, последние две строчки — из потешки «Из-за лесу, из-за гор // Едет дедушка Егор...»

Нельзя не сказать и о забавных стихах, которые цитировал Ваня Тюпаков из соседней бригады:

Ванька плачет — наливает,
Сенька морщится, но пьет.
Жена, выгляни в окошко —
муженек едва идет...

Все складно — это необходимое условие для запоминания, не говоря уже о содержании. Как отделить фольклорное от сложеного на днях, ненапечатанное, но понравившееся и запомнившееся?

За высокими стенами консерваторий и литературных музеев фольклористы хранят бесценные для души современных детей и подростков мелодии и слова. Нужно дать их послушать (может быть, не на уроке пения, а у вечернего костра в летнем лагере), чтобы юные сердца прониклись не чужестранным рэпом, а то протяжной, то уда-

лой отечественной песней. Так было в 1960–1970-е годы не только с нами, рожденными в 1940-е годы, но и со старшими братьями, судя по стихам Е. Евтушенко, ярчайшего «шестидесятника», сибиряка, 1933 г.р. (см. приложение, стихотворение «Э. Колмановскому»).

Эти стихи были своевременным напоминанием нам, молодым, о вечных ценностях и в то же время попыткой убедить власть в том, что у джазовых артистов есть основа, которая не позволит «продать родину».

В то же время не поддержка ли официальной властью народного искусства, большей частью признаваемого прогрессивным, отвращала нас от него, подобно тому как оставляли равнодушными многие сюжеты вольнолюбивой классической поэзии?

В едином, формально федеративном Советском Союзе неактуальны были призывы автора «Слова о полку Игореве» к объединению княжеств за полвека до нашествия татаро-монголов. В целом ни школа, ни первые университетские лекции не объясняли исторической неизбежности, закономерностей и даже внутренней (отвлекаясь от внешних угроз) прогрессивности «этапа феодальной раздробленности», наступавшего вновь и вновь после успешных попыток великих властителей объединить земли. Надо было столкнуться с этим несколько раз, услышать похвалу распаду на земли, управляемые «вручную», чтобы поверить если не голосам из эпохи раздроблений, то наблюдениям современных историков за расцветом хозяйства мельчавших княжеств, не плативших центру за защиту внешних границ. Но впоследствии заплативших ценой собственной жизни, когда пришли настоящие враги.

Народное искусство цвело на бескрайнем лугу, в весеннем лесу Руси по-разному, а в отдаленных регионах и вовсе удивительно. Тогда же, в 1970-х, мы услышали песни семейских староверов Забайкалья. Они бежали в Сибирь в XVIII в., поэтому и сохранились. На фоне привычных русских обработанных песен свежо, ярко прозвучали выпевания, речитативы семейских солистов (см. приложение, «В островах охотыник цельный день гулявает»).

Такие песни порождали вопрос: какой же была подлинно народная песня? Как пели ее пращурь? Ответ не был получен, так как скрывался в исследованиях фольклористов, музыковедов, то есть далеко от обыденного любопытства.

С тех пор прошло более сорока лет. Уже не досужее любопытство, а живой интерес к национальному самосознанию наших внуков, рожденных в середине 1990-х — 2000-е годы, заставляет вновь осмысливать то, что помнится о периоде собственного формирования как русского, российского, но прежде всего — советского человека, независимо от национальности. Ибо почти всё в политическом самосознании определялось принадлежностью к «той стране». Теперь политика как противостояние двух систем обесценена. Но формирование российского и русского национального самосознания актуально при отсутствии прежних цензурных барьеров и в условиях информационного общества.

Могли ли былины стать одним из базовых, ранних по времени появления, факторов формирования русского патриотизма? Очевидно, да. Но наше воспитание на лучших революционных, боевых и трудовых, а также интернационалистских традициях народов СССР делало упор не на былинные богатырей, а на восстание киевлян 1068 г. Богатырство же молчаливо признавали полезным для сохранения национально-государственной независимости страны, как и последующие превентивные завоевания, добровольные присоединения соседних народов и т.д. Без былин, не зная ни строчки, вряд ли подросток вырастал патриотом.

То же и с песнями. Советским коммунистам идейно были близки народные песни о крестьянских войнах. Например, о Стеньке Разине — «Не шуми, мати, зеленая дубравушка...» Но ведь эта песня — о разбойнике и душегубе. Идеолог может ответить, что на разбой его толкали социальные условия. В 1950-х годах идейный рев заглушал всё. Кроме одного — тихого голоса бабушки, скромной служащей, однажды сказавшей: *«Войну выиграла не только советская власть, но и наш русский народ...»*

Библиография

Бичевская Жанна Владимировна // Википедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=74427561> (дата обращения: 09.11.2015).

Соколов Ю. Фольклор // Литературная энциклопедия: в 11 т. М.: Худож. лит, 1939. Т. 11. С. 775–790 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/LITENC/ENCYCLOP/leb/leb-7751.htm>.

Приложение

Королева Непала

Там большая толпа стояла,
И гуляла по улицам нашим
Королева Непала, королева Непала
Раджараджия Лакшми.
Вася, посмотри, какая женщина,
Вася, ведь она стройнее кедрa,
Вася, ну зачем она обвенчана
С королем по имени Махендра.
Вася, ты скажи ей по-непальски,
Что она красивей всех, чудесней.
Вася, объясни ты ей на пальцах
Эту нашу маленькую песню.

[<http://a-pesni.org/dvor/korolevanepala.php>]

Песенка про пиратов

Забудь, корсар, про небеса,
Забудь про отчий дом.
Чернеют дыры в парусах,
Проторкнуты ножом.
Здесь двадцать восемь храбрецов
Сошлись на смертный бой.
И вот один уже лежит
С пробитой головой.
Шесть рубят в трюме пол ножом,
Шесть ловят воздух ртом,
А шесть в крови ползут на ют
И девять за бортом...

[<http://supermuzlo.com/getmuz/>]

Е.А. Евтушенко**Э. Колмановскому**

А что поют артисты джазовые
в интимном,
в собственном кругу
тугие бабочки развязывая?

Я это рассказать могу.
Я был в компании джазистов,
лихих, похожих на джигитов.
В тот бурный вечер первомайский
я пил с гитарою гавайской
и с черноусеньким,
удаленьким,
в брючишках узеньких
ударником...
Ребята были как ребята.
Одеты были небогато,
зато изысканно и стильно
и в общем выглядели сильно...
И вдруг,
и вдруг они запели,
как будто чем-то их задели, —
ямщицкую
тягучую,
текучую-текучую.

1956

В островах охотыник цельный день гулявает,
Яму счастья не-ету — эх, сам себе ругавает.
Как яму бы-ы-ыть, счастье заслужить, заслужить?
Нельзя быть яму весё-яламу, что зверь не бязить.
Поехал охотыник на быстрыря во-ёды,
Где гуляла рыпыка при ясной пого-ёде.
Там на брягу да вздумал отдохнуть, да уснуть,
Охота да ну сорва-ялась, гончих слышно чуть.
Охотник не медылил, на коня садиелся,
Зверя с любопытыством он поймать ловчилисья.
Бросился в лес, да в лес по тропиньке-дорожке,
Где спала я, ну красаявица, на мягкой траве.
Щёчки у ней аялы, слезами улиты,
Груды у ней нежены, цветами увиты.
Он увидал, упал, задрожал, да устал.
«Венера-й, а ну красавица», — тихонько сказал.

Венера проснулась, охотничка видеть,
«Молодой охотник, чем хотишь обидить?
Эх, ты злодей, требуешь того ли, да сяво,
А я не зверь и не лисица, сам видишь я хто».
«Мы лисиц видали, мы зверей стреляли,
А таких красавиц в редкостях встречали».
Тут злодей пробил барабан, барабан:
«Поедем, красавица, в лагерь ночавать».
Красавица садилась на коня несмело,
Приехали в лагерь, словно онемела.
Цельный день не говорила речи,
Пришла пора-времячко на постелю лечь.
Красавица сказала: «Я в твоих рукавах,
Бяри мяне шмело, ах, ах, ах, ах, ах, ах!»
Эх, ты злодей, что ж ты натворил, начудил?
Сямнадцать лет она хранилася, а ты нарушил.

[[http://www.megalyrics.ru/lyric/tiertsy/
v-ostrovakh-okhotnik.htm#ixzz42cu4hHjN](http://www.megalyrics.ru/lyric/tiertsy/v-ostrovakh-okhotnik.htm#ixzz42cu4hHjN)]